

Прародитель Козьмы Пруткова, автор стихотворения о журавлях, из которого выросла известная лагерная песня об отчем крае («Здесь под небом чужим я как гость нежеланный...»), Алексей Михайлович Жемчужников прошёл необычный путь в литературе – о его нежных, полных лиризма, любви к родной природе в стихах, философских раздумьях о жизни, современный критик и читатель в полном объёме узнает довольно поздно, поскольку только под конец жизни сам поэт по настоятельной просьбе дочерей издаёт свои стихотворения (двухтомник «Стихотворения», 1892). Статей и диссертаций о лирике поэта тоже не очень много, хотя, по мнению исследователей, именно лирическое творчество Жемчужникова явилось «важным фактом русской поэзии второй половины XIX в., в котором проявились традиции Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, Е. А. Боратынского, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. А. Фета². Однако Жемчужников не только созерцатель, любующийся родной природой, наслаждающийся сельской жизнью, каким нередко его представляют нам исследователи, анализируя известный цикл «Сельские впечатления и картинки» (в двух сериях), но и мыслитель, онтологически показывающий глубокое переживание смены настроений, сезонов природы, дня и ночи, света и тьмы.

В первом стихотворении «В вагоне за Москвою» лирический герой уезжает из Москвы, наслаждаясь видом из окна:

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмом тихих ангелов хранимый!
Только что простившись с жизнью городской,
Я один остался, окружён тобою,
И уж груз душевный – страхи и тревоги –
Побросал за окна вдоль моей дороги³.

Мы видим полную отрешённость от городской суеты и единение с космосом природы:

Грёзы роем лёгким вьются надо мною,
Словно опьянён я брагою хмельною.
Вот и сумрак сходит, в воздухе прохлада...
Ни о чём не мыслю, ничего не надо.

Интересно, как заканчивается это стихотворение, – последняя строчка его весьма апофатична: происходит временный отказ от мирского, даже мысль не тревожит героя (некое состояние исихазма, *безвидного* ума), только молится он на природу, растворяясь в ней. Но дорога не так проста и однозначна, и интонации меняются во втором стихотворении цикла «Ракиты на большой дороге»:

2 Капитонова, Н. А. Лирика А. М. Жемчужникова: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2005. – С. 3.

3 Жемчужников, А. М. Стихотворения: в 2 т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. – Т. 1. – С. 150.

Нет, сердце, значит, не остыло,
Не загубел с годами вкус!
На то, что прежде было мило,
Я и теперь не нагляжусь.

Волнуется сердце, которое *что-то* вспоминает, воскрешает давно забытые думы.
Но отчего оно волнуется?

Меня пленяет особливо
Своеобразный этот вид
Дороги грустно молчаливой
С её аллеями раkit.
Я их разгадываю думу,
Когда под тенью их иду;
И с ними сам, в ответ их шуму,
Беседы долгие веду.

Здесь стоит обратиться к семантике раkitы в славянском космосе. Все мы помним колыбельную о сером волчке, в которой конец такой: утащит волчок под *раkitовый кусток*. Конечно, эта колыбельная напоминает нам о смерти – ребёнок только что пришёл в этот мир из *того*, он ещё пограничное существо, не вполне укоренившееся в нашем мире, и связан с «тем светом» (неслучайно в игровом детском фольклоре лейтмотивом проходит тема смерти, см. игры в покойника). Кроме того, мотив укачивания ребёнка связан с устойчивыми образами и формулами: край, кусток, лесок, волк⁴. А раkита – дерево границы, обладающее иномирной семантикой, как, кстати, и родственные ей ветла и верба (они связаны, как показывают исследования фольклористов, с формулами *невозможного*⁵). И у Жемчужникова раkита сопровождает дорогу героя, которая постепенно превращается в *путь*, напоминая ему о минувшем, о важном:

Я их разгадываю думу,
Когда под тенью их иду;
И с ними сам, в ответ их шуму,
Беседы долгие веду.
Они, ветвисты и могучи,
Про старину мне говорят;
Про вихри, грозные тучи,
Снега, метель, мороз трескучий
И дней счастливых длинный ряд.

Древесные думы – характерное эпитетосочетание для русского космо-психо-логоса (наша натура, наши традиции и обряды, в которых часто задействовано дерево, наша поэзия). Всё от древа, музыка и орнамент, – напишет Есенин в 1918 году в трактате «Ключи Марии». Наша музыка народная с её трагедией и посылом в смерть – тоже от древа, от тростиночки, срезанной пастухом: «Происхождение музыки от древа в наших мистериях есть самый прекраснейший ключ в наших руках от дверей закрытого храма мудрости. Без всякого Иовулла и Вейнемейнена наш народ через простой лик безымянного пастуха открыл две скрытых силы воздуха вместе. Этот пастух только и сделал, что срезал на могиле тростинку, и уж не он, а она

4 Горбунова, К. А. Сюжет о сером волке в русских колыбельных песнях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/5298> (дата обращения: 28.08.2021).

5 Агапкина, Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, раkита (род *Salix*) // Славянский альманах. 2014. Вып. 1-2. – М.: Индрик, 2014. – С. 291.

сама поведала миру через него свою волшебную тайну: "Играй, играй, пастушок. Вылей звуками мою злую грусть. Не простую дудочку ты в руках держишь"»⁶. Но Жемчужников как бы предвосхищает эти теоретические фольклорные открытия Есенина. Лирический герой «Сельских впечатлений и картинок» учится у природы: ракиты ему преподносят урок жизни:

Но вот сухие две ракиты
Лежат в изнеможенье сил...
Не бурей злой они убиты, –
Злой человек их погубил.
Они сломались и ветвями,
Как будто крепкими руками,
Упав, о землю оперлись;
И, распростившись с небесами,
С тех пор печально смотрят вниз.
Но смерть ракиты вековые
Со света выжить не могла:
Пошли побегии молодые
От расщеплённого ствола.

Ракиты напоминают своим видом о вечной поруче жизни и смерти в природе, где последняя лишь этап, хоть и горестный, но не предел:

О, как пред смертию бессильный,
Я за мои ракиты рад!
И мнится мне: глядя умильно,
И эти также говорят;
Мне говорят, являя обе
Дупло, прожжённое внутри:
«Наперекор жестокой злобе,
Мы все живём ещё, смотри!»
Бедняги! На меня похожи.
Им лучше медленно хиреть,
Лишь только б свет им видеть божий,
Лишь бы попозже умереть.

Но и тут путь лирического героя не заканчивается, он продолжает путешествие по большой дороге в третьем стихотворении цикла:

Иду давно – и пред глазами
Дороги тот же всё простор;
Всё тот же, с пёстрыми цветами,
Зелёный стелется ковёр.

Однако не отвлекает внешняя красота от дум сердца и созерцания:

И тишина зато какая!
Как будто с тем проложена
Была дорога, чтоб немая
Здесь воцарилась тишина.

Тишина, отсутствие человека также превращают дорогу в путь, но любой инициационный путь не обходится без испытаний. В четвёртом стихотворении цикла герой отдыхает перед бурей, перед наступлением темноты, в пятом – его пробуждает и предостерегает появление бездомной собаки (собака связана, с одной стороны, с домом, с другой, с иномиром, она соответствует волку⁷), в шестом – его застигает темень, которая оборачивается Тьмой:

Под безлунным небом, тучами покрытым,
По межам заросшим, колеям изрытым
Еду, но не вижу: полем иль оврагом,
С бубенцами тройкой в тарантасе шагом.

Лиминальное положение героя, которое задаётся его незнанием того, где он пребывает, усугубляется отсутствием светила над головой, Света, и он погружается в тотальную Тьму:

Чёрная дорога; воронные кони;
Все предметы черны; все на чёрном фоне.
Только видны пятна – да и тех немного –
При дороге самой иль копен, иль стога;
Да порой, взобравшись на бугор открытый,
Встретишь очертанье сироты-ракиты...

Ничего не видно глазу, можно только почувствовать своё состояние, находясь в царстве ночи, и снова тут возникает образ ракиты – как проводника, напоминающего о вечном, – которая выполняет функции *ритуального маркера* пространства. Ракита в ночи – мировое древо в мировой полночи, до которого необходимо добраться культурному герою, чтобы возродиться в новом качестве. Герой один на этом пути, его одиночество носит онтологический характер:

Слышу: где-то едут, близок звук рессорный;
Ничего не вижу, кроме ночи чёрной.
С кем-то на распутье мы, не без испуга,
Съехавшись, расстались, не выдав друг друга.
Чёрной ночи царство, царство чернозёма...
Огонёк бы видеть! Быть скорей бы дома!

Возникает опасная ситуация «онтологического одиночества неузнанности», когда не осуществляется бахтинский диалог между своим и чужим⁸, но герой Жемчужникова всё-таки стремится обрести свой дом, в отличие, например, от пушкинского в «Зимней дороге», сюжет которой схож со стихотворением «Темень».

Пушкинская «зимняя дорога» превращается в путь для лирического героя:

Ни огня, ни чёрной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только вёрсты полосаты
Попадаютя одне.
Скучно, грустно... Завтра, Нина,

7 Гура, А. В. Медведь // Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. – С. 176.

8 Истомина, О. Б. Диалог в условиях диспозиции «свой — чужой» // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. – С. 69.

Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь⁹.

Но вот только у Пушкина героя сопровождает идеальная возлюбленная, незримая, но верная подруга. Санный путь героя – смертный путь, поскольку герой не находит и покоя даже дома, в домашнем кругу любимых и знакомых («докучных удаляя, полночь нас не разлучит»), а на этом пути он находит свою Нину, своего рода даймона, посредника между человеком и Богом. Героиня, как отмечают исследователи, достаточно абстрактна, имя Нина помогает создать образ женщины, которой физически нет¹⁰. Пушкинская дорога заканчивается смертью (смокнул ящик, отуманен лунный лик), а *Темь* Жемчужникова развеивается, поскольку герой его цикла ещё не готов к смерти, он надеется на огонёк, который позволит выбраться из чёрной ночи царства.

Исследователи справедливо подмечают многообразие дорожных впечатлений в поэзии Жемчужникова: «Иногда это описание видимых глазом картин, иногда это передача ощущений человека, его душевного состояния во время путешествия, часто философские размышления, связанные с дорожными встречами и пейзажами, а иногда это метафорический образ – дорога жизни, конечный переход от жизни к смерти. В поэзии А. М. Жемчужникова возникают многочисленные пересечения с литературной традицией, с образом дороги в стихах русских классиков»¹¹. Но стоит подчеркнуть ещё раз, что дорога у Жемчужникова превращается онтологически в *путь*, это не просто дорога в деревню, это дорога, в которой герой познаёт окружающий мир, постигает космос природы и находит своё место в нём. Не случайно в последнем стихотворении цикла возникает лексема «путь»:

И когда, разбитый, я ввалился в номер,
Очень был доволен, что ещё не помер.
Но желанье тут же овладело мною
Тот же путь проехать будущей весной.
Чтоб пожить в деревне, вынести я способен
Даже пытку земских рытвин и колдобин.

Так шуточно легко завершает свои «сельские впечатления» Жемчужников, чей герой проделал долгий путь из Москвы в деревню и обратно. Проводником лирического героя, верным спутником его на этом пути является ракета, сиротливая и близкая, понятная и загадочная. Поэт провёл своё детство в имении отца в Орловской губернии, граничащей с Воронежской губернией, в ономастиконе которой частотны лексемы «ракета», «ветла», «ива»¹². Но дело, конечно, не столько в биографических фактах, поэта нельзя подводить к присяге на верность действительности, сколько в поэтической и даже архетипической традиции, в «древесном коде» русской литературы. Ветла с семантикой иномирности встречается впервые у В. А. Жуковского в «Лесном царе», потом с тем же значением – у А. П. Чехова в «Степи» и у И. А. Бунина в «Жизни Арсеньева», но эти замечания требуют обширного культурологического, даже культурфилософского исследования «древесного кода» русской словесности, а нашей целью было наметить *пути-дороги* к этому мировому дереву, от которого происходят наши песня, музыка и слово.

9 Пушкин, А. С. Собр. Соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 2. – С. 303.

10 Nenarokova, M. R. A. S. Pushkin, “The Winter Road”: the Poem’s Reception in the English-Speaking World through the Mirror of Close Reading // *Philological Class*. 2019. N 2 (56). P. 27.

11 Капитонова, Н. А. Указ. соч. – С. 42.

12 Сьянова, Е. И. Растительный мир в ономастической картине мира диалектоносителя (на материале смешанных русских и украинских говоров Воронежской области) // *Этноботаника: растения в языке и культуре*. СПб.: Наука, 2010. – С. 85.